

Плач племянницы по дяде родном и вдовы по муже

Когда оденут покойника, племянница вопит:

Мне-ка сись было, белой лебедушке,
Либо на́ эту брусóву белу лавочку,
Либо подле на дубовую скамеечку,
Супротив лица на кленовой стул,
Мне подпасть было под правое ушинько,
На допрос взять желанного мне дядюшку!
По роду́ мне-ка желанной родной дядюшка,
По кресту мне-ка крестовой этот батюшка!
Ты куды, мой восприемной, снаряжаешься?
Ты в котору путь, родимой, поспешаешься?
Ой, тошным мне, горюшице, тошнёшенько!
Пооставил, свет, печальных нас головушек,
Сложил рученьки ко белой груди,
Телеса придал ко матушке-сырой земли!
Пошла на́ убыль любимая семеюшка,
В раззореньице крестьянска пошла жирушка;
Нонь торговли эти лавки запираются,
Про московских купцов да запасаются;
По великому злодийному несчастьицу,
По девоцьему моему бесталаньицу,
Нонь при доме я, печальна, не случилася!
Как во эту пору было в тое времечко,
В полдень красного было да то солнышка,
Приходила к нему скоряя смерётушка,
Отлишила нас великого желаньица!
Кабы знала я, горюша, про то ведала,
От постелюшки бы прочь не отходила,
Я сидела бы, душа-красна девица,
У болезнь круто-складного сголовьица,
Говорила бы с спацливым моим дядюшкой;
Я держала б его буйную головушку,
Я на белых держала бы на рученьках,

Прибирала бы русы его волосушки,
На бумаженьку седу его бородушку,
На патрет бы колесисты его бровушки
Я завивны бы кудёрки-золоту дугу!
Все я думала, несчастна красна девица:
«С тяжелá да добры люди поправляются;
С легкá молодцы удалы помирают».

Обращаясь к тетке-вдове, продолжает:

Ты скажи мне, жалослива рóдна дяденька,
Расставалась как с надежной ты головушкой?
Сговорил ли хоть единое словечушко,
При послиди при злодийной смерётушке?
Буду гнев держать, обидна красна девица,
Я на светушка-братца на родимого,
Што не дал мне слободна Божья дёнечка
Посидеть у крестового у батюшка:
Снарядил он на крестьянскую работушку!
Как была бы я, белая лебедушка,
В своем доме, в светлой свётлице,
Я сидела б под косевчатым окошечком,
Я глядела б на шíроку на уличку,
По пути я к Божьей церкви посвященной;
Усмотрела б, може, идуци я скорую смерётушку,
Тут задвинула б стекольчаты околени,
Заперлá бы вдруг широкии воротечки,
Заложíла бы новы двери дубовые,
Сама вышла б на крылечико перёное,
Говорить стала б я скороей смерётушке:
«Ай же борзая калека перехожая!
Ты откуль гредешь, куды путь держишь?»
Я бы стала тут калеку уговаривать:
«Ты под пóдружку возьми стару бабушку!
На сине море иди да ты, холодная,
Во чисто поле иди да ты, голодная!»
Нонько крадци пришла скорья смерётушка,
Пробралась в наше хоромное строеньце,
По пути она летела черным вороном,

Ко крылечку прилетала малой пташечкой,
Во окошечко влетела сизым гóлубком,
Разлучила с восприемным меня батюшком:
Его ясны тут очи запиралися,
Сахарныи уста да загражались,
Душа с белых грудей вынималася!
Как я шла со крестьянской работушки,
Единá шла путем-ши́рокой дороженькой,
В разны стороны металась умом-разумом!
Приходить стала к крылечику перёному,
Как сглянула на хоромное строеньице —
Припечаливши хоромное строеньице!
Повону стоит горница,
Понутру стоит морозница,
Скрозь околенко виднеевит кручинушка,
Скрозь другое выглядит зла обидушка!
Тут свилося-задрожало сердце девоцье,
Я не видла-то, победна, свету белого!
Я зглянула на крылечико перёное,
Как стоит столько спацлива моя дяденька;
Не со радости она меня стретае,
Она белыма-то ручками мавае,
И горьки сама слезы проливав!
Тут спросила у спацливой я у дяденьки:
«Што в кручинушке стоишь пригорюнивши?
Аль труден-болен крестовой, видно, батюшко?»
Тут в слезах мне родна дяденька сказала,
На перёном крылечке отвечала:
«Как у нас, да моя теплая сугревушка,
Во дому у нас великая незгодушка,
В светлой свѣтлице великая кручинушка,
Талан-счастье от нас да удаляется
К нам великое несчастье забирается!»
Тут прошла я по крылечку перёному
И взошла да я во светлу нову горенку;
Как зглянула на тесовую кроваточку,
Почивал да где крестовой мой батюшко —
Начасу́ тут кровать раскле́лася,
Она надвое кровать раскатилася!

Я зглянула как на столики дубовыи —
Тут положен же спацливой милой дядюшка,
Он сокручен во умершее во платъице!
Я с досадушки, победная, зглянула,
На эту Пресвяту Мать Богородицу...
Што ведь топится свеча да воску ярого?
Я-то думала девоцьим своим разумом:
«Для того, видно, свеця у них затоплена,
Как по-старому было, по-досюльному —
Поезжать стане крестовой милой батюшко,
За товаром он, бывало, заграничным,
Стане Господу молиться от желаньица:
„Дай-ко Господи мне путь доброй-дороженьку,
Дай-ко счастья Господь, благополучия,
Мне бы съездить за товаром разноличным!»
Нонь раздумаюсь я, белая лебедушка:
«В светлой свѣтлице попы стоят духовныи;
Не молебенки оны нонь воспевают —
Восприемного попы нонь поминают!»
Подойти да ко столу мне ко дубовому,
Приоткинуть тонко бело это пóлотно!
Дайволюте-тко, спорядны мне суседушки,
Стану спрашивать, обидна красна девушка:
«Ты куды, родной дядюшка, справляешься?
В безызвестну, знать, дорожку поспешаешься
Ко этой Пресвятой ты Богородице?
Как нам жить буде, печальным головушкам?
Вси отрекнутся нонь сродни милы сроднички,
Вси отступятся купцы-твои приятели,
Вси отшáтнутся попы-отцы духовныи!»
Мимо прóйдут оны нову эту горенку
И межу собой спрорóвоят:
«Теперь все прошло ведь здесь да угощенье!»
Тут не зглянут на косевчаты окошечка;
Бедное тут, скажут, состояние,
Пó дому нет большака у их, начальника!
Нонь поели тебя, крестовой милой батюшко,
Унывать стане ретливое сердечушко,
Умирать буде зяблая утробушка,

Ушибать стане великая тоскичушка!
По дорожке хоть нам встречу постречаются,
Нонь не сдиют с нама доброго здоровьица,
Не спрoгoвoрят единого словечушка,
Погнушаются победныма головушкам!

При выносе:

Я гляжу-смотрю, обидна красна девица:
На пяту да новы двіри отворяются,
С дубовым гробом суседи пробираются,
Полагают же великое желаньице
Во эту колоду белодубову;
Вдруг поносят со хоромного строеньица
И повозят на ступистых лошадушках!
Впереди идут попы-отцы духовныи,
Во правой руке несут да книги Божии,
Во левой несут оны да свечи ярые,
Тут поют оны вечно поминаньице!
Не спешитесь-ко вы, добры мои людюшки,
Взять-поднять колоду белодубову,
Вы нести со хоромного строеньица,
Со столовой нести новой горенки!
Не сиротьте-ко, победных нас головушек!
Да ты слушай же, крестовой милой батюшко!
Не сдавайся со брусовой белой лавочки,
Ты не иди со столовой новой горенки!
Видно, нет того на свете да не водится
У мертвого с живым дело не ладится!

К попам:

Я поклон воздам попам-отцам духовным,
Благодарность я служителям церковным!
Спаси Господи попов-отцов духовных,
Што послушали победных нас головушек,
Беспокоились путь-широку дороженьку,
Со пением несли его церковным,
С поминанием несли его духовным!
Я во светлую прошу вас нонь во светлицу,

Я учéстую служителей церковных;
Вы садитесь-ко на стульица кленовыи,
Ко столикам садитесь ко дубовым —
По-прежнему садитесь, по-досюльному!
Я прошу да вас, попов-отцов духовных,
Вы впишите-тко во книги херувимские,
Во вечное его да поминаньице!
Вам злата за то надо или серебра?
Али красного вам надо да ведь золота?
Али скатным возьмете да вы жемчугом?
Рассчитаюсь за труды ваши за праведны!

К тетке:

Ты послушай же, бажена моя дяденька:
Ты проси да нонь попов-отцов духовных,
О своей проси любимой о семеюшке,
Поминали бы в учётных шесть неделюшек —
Их молитовки ко Господу доходные!
У нас все прошло теперь, миновалось,
Скрозь туман пекё красно теперь солнышко,
Скрозь облако светит блад светёл месяц!
Приминímся, спацлива родна дяденька:
Не высоки терема живут вдовиныи,
Не красны слывут дочери безматерни,
Не славны сыновья живут безотнии!
Пооставили сердечно мы желаньице
У этой Пресвятой мы Богородицы,
Отпустили свои ласковы словечушка
Во погреба с тобой мы во глубокии —
Во матушку с тобой мы во сыру землю!
Нонь пустым у победнушек пустёшенько,
По хоромному строенью уныльнёшенько;
Отложить надо нам сладко уяданьице,
Отменить надо любимо угощеньице,
Мы горючима слезамы угощаемся,
Мы великой кручиной забавляемся!

Вдова к соседям:

Да вы слушайте, спорядные соседушки!
Не убойтесь зла великого несчастца,
Не страшитесь-ко злодийной вы кручинушки!
Талан-участь от вас не отшатнется,
Зло-великое несчастье не привяжется!
После милой любимой вы сдержавушки,
Не гнушайтесь-ко победныма головушкам,
С нама сдийте-тко вы доброе здоровьице,
Прогóворите едино хоть словечушко,
Взвеселите вы победных нас головушек!
Вместе пойдём на крестьянску как работушку,
Единóй путем-широкой дороженькой,
По единым чистым полюшкам,
По единым лугам сенокосным,
Разрядите-тко победных нас головушек,
Укажите нам крестьянскую работушку;
После милой сдержавушки любимой
Без ветрышка победныи шатаемся,
Без угару болит буйная головушка,
На все стороны наш ум-разум кидается!
Нет разрядника победным нам головушкам,
Распорядчика крестьянской работушки;
Точно заюшки под кустышком загнаныи,
В чистом поле словно гусья заблудящий,
Мы повыстанем по утрышку ранёшенько,
Да мы сядем под косевчато окошечко,
Как кокоша в сыром бору коковать стане,
Также мы, бедны-победны, тосковать будем;
Мы не знаем-то, обидные крестьяночки,
На каку потти крестьянскую работушку!
Мы посмотрим на спорядных соседушек:
На чисто поле как парни уж справляются,
На полосушки севчї да снаряжаются;
Тут пойду, бедна кручинная головушка,
Возбуждать пойду сердечно свое дитятко:
«Да ты стань-востань, сердечно мило дитятко!
От крепка сна, дитё, ты пробудися,
На крестьянскую работушку спяхнися!

Все повыстали суседи спорядовый,
Уж справляются на трудную работушку!»
Тут повыстане рожёно мое дитятко,
Недорослая кудрявая рябинушка,
Недозревша в сыром бóру ягодиночка:
Его плечушки у светушка — узёшеньки,
В росту рученьки его да ведь тонёшеньки,
Во годах еще дитя молодёшенько,
Умом-разумом, сердечное, глупёшенько!
Тут отправлю на крестьянскую работушку,
Повыду вслед на шíроку на уличку,
Покорюсь спорядовым я суседушкам:
«На работушку его нарядите-тко,
На́ поле работу укажите-тко!»
Возвращусь сама в хоромное строеньицо,
Затоплю да я печеньку муравлевную,
Возбуждать стану любимую племянничку:
«Ай же, стань, моя белая лебедушка,
Пробудись, наша любимая племянничка!
Да ты стряпай-ко стряпню домовитую,
Ладь-ко нам обеда полудённыи!»
Я пойду да на крестьянскую работушку,
Обойду все лугови эти поженьки,
Засмотрю да все луга я сенокосныи,
Не вломила ли любимая скотинушка,
Не истратила ль траву нашу шелковую?
Тут пройду я на распашисты полосушки,
Сосмотрю свое сердечно это дитятко;
Сама я сяду на катучий белый камышек,
Растоскуюсь, горегорькая обиднушка!
Воскликать стану надежную головушку
На эти на распашисты полосушки:
«Появись-приди, надежная головушка,
Хоть с чиста́ поля явись ясным со́колом,
Со темных лесов явись сизым голубем,
Хоть с глубоких озер серой утушкой!
Не убойся ты, надежная головушка,
Засмотреть приди сердечно это дитятко
На трудной крестьянской ты работушке!

Видно, век тое в свете не сбывается,
Што мертвый с могилы ворочается!»
Как притрудится сердечно мое дитяtko,
Приустане на крестьянской он работушке,
Как придет, свет, по позднему по вечеру,
По закату придет красного солнышка,
Уберет да он ступистую лошадушку,
Приде — сяде на брусую на лавочку,
Сшибет белы молодецки свои рученьки,
Выше плеч он на блáдую головушку:
«Да ты слушай же, родитель моя матушка,
Што болят да мои резвы эти ноженьки,
Примахалися бурлацки мои рученьки,
Приустал я на крестьянской на работушке!»
Подойду тут к рожёному я дитяtko,
Я поглажу-то по буйной по головушке,
Я подрочу по могуцим белым плеченькам:
«Знать, толь счастливо ты, дитяtko таланное,
Отлучил Господь родителя ведь батюшка!»
Как болит-щемит ретливое сердечушко
У меня, да у победной у головушки,
Што трудна тебе крестьянская работушка!
Был в живности родитель пока батюшко,
Моя милая любимая семеюшка,
Видна́ ж была крестьянска у нас жирушка,
Довольна золота казна бессчётная;
Мы по утрышку тебя не возбуждали,
От талá сердча тебя мы сберегали!
Как пошиты были ситцевы рубашечки,
Казинетовы налажены поддевочки,
Круг сердечка опоясочка шелковая,
На резвы ножки — сапоженьки козловыи!
Мы зачешем твою блáдую головушку,
Уберем кудри во шляпоньку пуховую,
Мы повыпустим на шíроку на уличку;
Хоть не в дóрости сердечно было дитяtko,
Поглядим да мы в косевчато окошечко:
Не ясен сокол в чистом поле полетыват,
Наше дитяtko по уличке погуливат.

Со сторон смотреть любо было дорого!
Дивовали вси добры того людюшки,
Срекалися талану твоей-участи;
Знать, собаки твою участь приоблаяли,
Твое счастье суседы приоббаяли!
Сустигало тут злодийно бесталаньнице,
Отлишил Господь великое желаньнице;
Были лавочки у нас хотя ж торговые,
Приоткрыты товары разноличныи,
Золота казна туды у нас положена,
В долг товары у родителя распущены;
Пошли людюшки теперь да все бессовестны,
Платить долг этот народ не имается;
По судам ходить победной мне головушке,
Задарить надо судей неправосудных;
На горюци оны слезы не окинутся,
Должники ж в долгах ведь е да попираются!
Разорилась вдруг крестьянска наша жирушка!
Поступил ты во злодийную заботушку,
В перелом пришла великая кручинушка,
Не по силушкам крестьянская работушка!
Уговаривать сердечно стану дитятко:
«Ты заботься на крестьянской на работушке,
Проработаешь урѣчную неделюшку —
Я во крайней, во субботней этот дѣнечек,
Я повытоплю тут парну тебе баенку,
Постелю тебе пуховую перинушку,
Приотдохнешь тут, сердечно мое дитятко!
О Светлом Христовом Воскресеньице
Не возбужду тебя по раннему по утрышку!»
Я приду ко тесовой хоть кроваточке,
Погляжу, бедна кручинная головушка:
Крепко спит мое рожѣно мило дитятко!
Резвы ноженьки его пораскиданы,
Белы рученьки от сердца поразмахнуты,
Его желты кудѣрки порастряхнуты!
Потиху приду к тесовой кроваточке,
Сотворю да я Исусову молитовку,
Подрочу его по бладой по головушке,

По обидной, молодецкой по белой груди!
Тут горюци, бедна, слезы проливать буду,
Мне-ка жаль-тошно мила дитятка!
Призакрою соболиным одеяльцем,
Тут повыду во хоромное строеньице
Состряпаю стряпню домовитую,
Исправлю обеда полуденныи:
Во часу эти обеда во двенадцатом.
Тут приду да я к сердечному ко дитятку,
Возбуждать стану, обидная головушка:
«Да ты стань-востань, сердечно мило дитятко,
Ты умой свое обидно бело личушко,
Ты утрись этим браным полотенечном,
Да ты крест клади, мои свет, по-писаному,
Ты начало положи по-священному,
Ты молись да теперь Богу от желаньица,
Штобы Господи тебя да все помиловал
От злого человека от опасного,
От бранного словечка от напрасного!»
Спаси Господи сердечно тебя дитятко,
На сегодняшней Господень Божий денечек,
На это на Христово Воскресеньице!
Я радела бы сердечно тебе, дитятко,
Всей великой бы Господней Божьей милости!
Помоги, мать Пресвятая Богородица,
Возростить мне желанно мое дитятко
До полна молодецка его возраста,
Не в укор было б победной мне горющице,
Не в присловье от спорядных суседушек;
Ума-разуму набрался бы в головушку,
Чести-совести в ретливое сердечушко!
Нонь народишко пошел такой бессовестной,
Холостыи мужики пошли балованы,
Безотнии сыны да самовольныи,
Вдовины дити пошли неунёмныи.
Лучше заперлись бы ясны мои очушки,
Приукрыться бы во матушку-сыру землю!
Сердечушко мое не унывало бы,
Утробушка моя не обмирала бы,

Глядяци на сердечно мое дитяtko,
Во ма́этной, во сколо́тной этой жирушке!
Не порой моя головушка старится,
Не времечком век мой коротается!
Божии дёнечки в обиды провожаются!
Не радию того другу я, ни недругу!

.....
Тут по ранному петунью воспеваньицу,
С зауныла соловьиного жупляньица
Большаки как подомовыи ставать станут,
Мужевья да жен возбуждать будут!
Я проснусь, бедна, со позднего со вечера,
Я с полуноци, горюша, думу думаю,
Я под утреню зарю сильно расплакаюсь!
Тут повыстану, победная головушка,
Со этой тесовой я кроваточки,
Умоюсь, печальна, ключевой водой,
Я утрюсь, бедна горюша, шитым полотном;
Помолюсь Пресвятой я Богородице,
Благословлюсь у Бладыки-Света Истинного,
На сей я Господен Божий дёнечек!
Тут сгляну я во косевчато окошечко,
Как справляются спорядныи суседушки
Во эты темны леса дремучии,
На эты луга сенокосныи
Косить оны травоньки шелковые!
Тут скажу да я, печальная головушка:
«Вы ставайте-тко, сердечны милы детушки,
Вы пойдёте на крестьянскую работушку,
В сон головушки, родимы, не клоните-тко,
Вы идите путь-дороженьку скорешенько,
Вы работайте работу веселёшенько,
Наряду да с суседямы спорядныма!»
Отпущу хоть печальна их головушка —
Мои детушки в годах молодёшеньки!
Хоть придут на лугову оны поженку,

Устанут путем-широкой дороженькой,
Оны сядут под ракитовой под кустышек.
Жалобно пекё красное солнышко,
Обогрие их ретливое сердечушко;
Тут ведь лягут под малиновый под кустышек,
Позабудут всю крестьянскую работушку!
Как нет старого у их да повелителя,
Большака нету у их да распорядчика!
Скоро стряпаю стряпню тут суетливую,
Я спешусь на крестьянскую работушку,
Я на эты на луговьи на поженки,
На раскосисты луга сенокосныи,
Я спешусь путем-дорожкой широконой!
Я лётуци дорожку пролетела бы,
Я скоренько путь широку припрядала,
Я настретушку суседям не стретáлась бы,
Я с суседкой разговор бы не закинула,
Да я так спешусь широкой дороженькой!
Уж приду как ко луговой этой поженке,
Там не вижу сенокосцев трав шелковых;
Я ко прежнему приду ко огнищечку,
Я ко старому приду становищечку,
Да там спят мои сердечны милы детушки,
Быв как зайки под ракитовым под кустышком,
Горностаи под малиновым под прутиком!
Тут я сгрúснуся, печальная головушка,
Разобидуюсь на милых своих детушек,
Возбуждать стану, победна их головушка,
Я не ласковым словечком, не прелестным:
«Беззаботны вы, сердечны милы дитятки,
На кого да, бедны детушки, надиитесь?»
Мои детушки того да растоскуются,
На работушке оны сильно расплачутся;
Уже я, бедна кручинна тут головушка,
Распеняюсь на судьбу свою несчастную,
Разругаюсь я на жизнь да бесталанную!
Хоть работушку, победны мы, работаем,
Все горючима слезамы обливаемся
И великой мы кручиной утираемся!

Тут придут спорядовые суседушки,
Уговаривать меня станут, победную:
«Ты не плачь, бедна вдовушка несчастная,
Не тужи, да бедна мать ты горегорькая,
Не обидь своих сердечных этих детушек!
Не одна ты е на свете бесталанная,
Много вдовушек победных на белу свету,
Без отцов растут детушки, без матерей!»
Тут раздумаюсь, печальная головушка:
Знать у Господа-Бладыки узаконено,
В кую пору наб жене с мужем расстатися!
Некуды с горя горюше подеватися,
Мне живой, бедной, в могилу не вкопатися!
Отложить надо тоску мне-ка великую,
Надо дом вести-крестьянска эта жирушка,
На работы большаком слыть настоятелем,
Во дома да наб большухой подомовой,
Распорядок на крестьянской надо жирушке,
Наб разряд да ведь сердечным малым детушкам!
Говорить буду тихонько с уговорочкой:
«Ай же, милыи сердечны мои детушки,
Вы работайте крестьянскую работушку;
Да как съезжу я к Владычному ко праздничку,
Привезу я вам любимыи подарочки,
По сердечной привезу вам по обновочке!»
Тут ведь детушки мои да веселешеньки,
Наряду иде крестьянская работушка,
У артельных мужиков словно семейных.
Одним днем да я, победна, не остануся,
Наряду с има, победная, мотаюся!
Ой тошным да мне, победной, тошнёшенько!
После милой надежной сдержавушки,
Недород да всё довольным этим хлебушкам,
Недорос да на лугах-травах шелковых;
Не дом теперь-житье не разживается,
Жирушка победная скудается!
Кабы знала про несчастное живленьце,
Я в закон-то, горюша, не вступала бы,
Я замужьца себе не залучала,

Не плодила бы сердечных себе детушек,
Я сошла бы во пустыню богомольную,
Где ведь девушки спасаются,
Где старушки постригаются!
Тут мне скажут еще власти поставлены:
«Припасай золоту казну бессчётную,
Ты отдай нам все тягости казенные!»
Я раздумаюсь победным своим разумом:
«Мне где взять золота казна бессчётная,
Мне отдать да все ведь подати казенные?»
Как приду я от спорядных от суседушек,
Посоветую с сердечным своим дитятком.
Говорить стане сердечно мило дитятко:
«Да ты слушай же, родитель моя матушка!
Со двора продать любиму наб скотиночку,
Со конюшенки продать да коня доброго!
Еще слушай-ко, родитель моя матушка!
Жаль расстаться со любимой мне скотинушкой;
Ты пойдя да в мелкорубленные клеточки,
Ты бери столько ключи да золочёные,
Отмыкай да ты ларцы там окованыи,
Да ты вынь оттоль цветно это платьице,
Заложы да ты суседу спорядовому!»
Тут скажу да я сердечному-то дитятку:
«Жаль нести да мне-ка цветно это платьице!
Как выростешь до полного ты возраста,
Станешь ездить по гульбищам в нем, прокладбищам,
По этим по Владычным Божьим праздничкам».
Как ответ держит сердечно мило дитятко:
«Мне не честь-хвала, родитель, молодецкая,
Што ведь подати казенные не плачены;
Не к лицу тебе, родитель-родна матушка,
Што таскаться по избам тебе по земским,
У стола стоять, родитель, у судебного,
Супротив стоять судей неправосудных!»

На могиле:

Ой же, стань-востань, любимая семеюшка,
Не убойся-тко печальюей головушки!
Я не хóлодна пришла к тебе, не гóлодна,
Не для хлеба пришла-соли наеданьица,
Не для сладкого медава упиваньица!
На совет пришла на крепку к тебе думушку,
Пораздять злу великую кручинушку
Я с тобой да со любимой семеюшкой!
Ты чего гневен, любимая семеюшка,
На меня да на победную горюшицу,
На своих да сердечных милых детушек?
Што не пóчасту горюшица учащиваю,
Што не пóдолгу горюшица угащиваю,
У тебя да у надежной у головушки?
Как посла тебя, любимая семеюшка,
Все решились у нас улички рядовые,
Разорились наши лавочки торговые,
Придержалась золота казна бессчётная,
Прискудалася крестьянска наша жирушка!
Задернили все распашисты полосушки,
Лесом зáросли лугови наши поженки!
Как ко нашему крылечику перёному,
Заколодила путь-ши́рока дороженька,
Отрекнулась вся порода именитая!
Тут раздумаюсь печальным своим разумом:
Просижу, бедна, хоть день да я до вечера
У этой могилушки умёршей;
Прискучаютя сердечны в доме детушки:
«Куды матушка у нас приукрылася,
Со кручинушкой куды она девалася?»
Возвращусь еще к могилушке умёршей,
Позабыла я, печальная головушка,
Позвать в гости я любимую семеюшку:
«Ко сердечным рожёным пойдем детушкам,
Большаком пойдем, ты свет, да настоятелем,
Распорядчиком к крестьянской пойдем жирушке!
Не убойся-тко, надежная головушка,
Не заставим мы работы работáть тебя;
Стритят детушки гостюшка родимого

На этом крылечике перёном!»
Порасхвастаюсь победная головушка,
На обман возьму любимую семеняшку:
«Ты пойдёшь к нам в любимое гостебудище,
Не разорилась ведь крестьянская наша жирушка,
Все по-старому у нас, по-досюльному,
Не заперты ведь лавочки торговые,
У нас в целости товары разнообразные!»
Ни на что моя надежда не окинется,
Ни на ласковы прелестны словечушка,
Ни на эти он мои да горячи слезы!
Как посла тебя, любимой семеняшки,
Каждой день да так кручинушка скопилась,
Словно камышом в сердечушко садилась!
Стать высказывать велику всю обидушку,
Сесть на летний Господен Божий денечек —
Мне во зиму ночь, победнушке, не выпомнить,
Этой злой кручинушки великой!
Не дай Господи на сём да не белом свете
Жить ведь, растить-то сиротных малых детушек,
Управлять да вся крестьянская эта жирушка!
Во дворе зазнать любима наб скотинушка,
Тут заведать наб ступистых лошадушек,
Засмотреть надо лугови эти поженки,
Заповедать все распашисты полосушки —
Не заходит ли любимая скотинушка,
Не бранятся ли суседи спорядовы?
Я того страшусь, кручинная головушка,
Всегда имячко мне было со изотчиной
Краснословице было мне-ка отчимое;
За тобой жила, надежной как головушкой,
Почитали спорядовы вси соседушки,
Поклон вóздали жены мне-ка мужнии;
Теперь-нонь живу, кручинная головушка,
Боящи хожу по шíрокой по уличке,
Торопясь я ко спорядным суседушкам,
На среканьце все добрым-то молодушкам!
Куды спесь да моя гордость подевалась?
Што головушка моя да приклонилась?

Ты прости, моя любимая семеюшка!
Нагостилась я, победная головушка,
Насиделась на катучем синем камышке,
Наругалась горьких слез да на сыру землю,
Я наплакалась, горюша, до своей любви,
Я натешилась, горюша, как хотелось,
На этом домовище упокойноем;
Объявила всю великую кручинушку
На этой на могилушке умершей!
Ты расти, моя тоска, травой незнамой,
Процветай да всяким разныма цветочкам!
Мимо людюшки бы шли да дивовались,
Шли бы малы недоростки — любовались,
Шли бы старые старушки — поросплакались,
Стогодовы старики да поужахнулись!
Мне-ка стать да со катуца синя камышка,
На свои да стать на томныи на ноженьки,
Мне пойти было к печальным малым детушкам,
Порасхвастаться, печальной мне головушке,
Што в гостях была у вашего у батюшки,
Низко кланялась ему до сырой земли,
Я до этой дубравушки зеленой,
До этой я травоньки шелковой;
Я звала да к вам, сердечны милы детушки,
Не могла, бедна горюшица, дозваться,
Я единого словечка допытаться!
Глупо сделала, печальна я головушка,
Не зашла я в Божью церковь посвященную,
Не молилась я ведь Богу от желаньца!
Как по моему великому несчастьицу,
Божьи церкви то ведь были все призамкнуты,
Служители церковныи приубрались
По своим оны хоромным строеньицам!

Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым. Т. 1. Санкт-Петербург, "Наука", 1997.